

ФИЛОСОФИЯ ПРОСТО

Автор-составитель
Александр Марков

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

ИСОКРАТ, ЦИЦЕРОН М.И., АЛИГЬЕРИ Д. И ДР.

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
ПЗ7

Дизайн серии *Алексея Родюшкина*

Автор-составитель доктор филологических наук, философ,
профессор РГГУ *Александр Марков*

**Исократ,
Цицерон, Марк Туллий
Алигьери, Данте и др.**

ПЗ7 Ораторское искусство / Исократ, Марк Туллий Цицерон, Данте Алигьери; авт.-сост. Александр Марков. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Философия просто).

ISBN 978-5-17-167772-5

Ораторское искусство существовало во многих древних государствах, однако его историю принято отсчитывать от 490 года до н.э., когда древнегреческий полководец Перикл установил афинскую демократию. Затем Аристотель, позже Цицерон создали не только систематическую науку о красноречии, но также составили профессиональные требования к риторике. Настоящий оратор — не тот, кто увлекает других своими мыслями, но кто поддерживает правила диалога и совместного гражданского существования людей. В эпоху Возрождения Лоренцо Валла и Хуан Луис Вивес размышляли о роли оратора в условиях сложной политической ситуации. Мыслители и писатели Нового времени Шарль Перро, Михаил Ломоносов и Георг Гегель разрабатывали новые правила риторики как социального воображения, воспитывающего ответственных граждан. Риторика продолжает быть актуальной и в наши дни: ораторское искусство помогает добиваться успеха в профессиональной деятельности, работать с социальными запросами и улучшать сферу коммуникации.

В настоящее издание вошли фрагменты работ известных античных, западноевропейских и российских авторов.

**УДК 1(091)
ББК 87.3(0)**

ISBN 978-5-17-167772-5

© А.В. Марков, автор-составитель, 2024
© Издательство АСТ, 2024

Философия и риторика — две дисциплины, которые часто ссорятся, но еще чаще живут в согласии. Философия ставит своей целью истину, риторика — убеждение. Философ может быть не всегда красноречив: часто он использует схемы, сложные формализованные представления, напоминающие больше учебник математики или физики, чем выступление на публике.

Но при этом не надо забывать, что даже те философы, которые известны как сложные и книжные, умели, если их просили, излагать основы своего учения не просто красноречиво, но ярко, выразительно, чтобы все запомнили. Например, читать «Феноменологию духа» Гегеля очень непросто, но газетная статья Гегеля «Кто мыслит абстрактно» понятна любому современному читателю, потому что она обращена и к тем, кто вообще не изучал философии. Или «Бытие и время» Хайдеггера — книга непростая, но автобиографическая заметка Хайдеггера «О тайне башни со звоном» объясняет ясно и внятно, зачем человек начинает заниматься философией.

Риторика для философа — не просто способ упростить или сделать модной и популярной свою систему. Это прежде всего зеркало самосознания. Красноречие позволяет взглянуть на себя, на свой опыт, посмотреть, в какой

момент ты овладел словом, способным передавать социально значимые мысли.

Цель ораторского искусства — «цель очищения и цель самосоздания», как сказал Аполлон Григорьев в стихотворении «Комета» (1843). Внимание к самому себе создает человека как личность, создает лучшее в нем. «Мы здесь творим свою судьбу, Здесь гений жаться не обязан», сказал другой русский поэт, Николай Языков, в стихотворении «Дерпт» (1825), о почтенном университете. Если понимать риторику широко, включить сюда и риторику тела, то она действительно позволяет личности «не жаться» и обрести чувство собственного достоинства, проявляющееся в том числе и в телесных привычках.

Философ, особенно современный, не может говорить только об уме и мышлении, отрывая мысль от речи. Тело и телесность, взгляд (оптика), слух, интуиция, особое ощущение вещей и материи, обступающей нас со всех сторон — все это стало центральными темами философии XXI века, соединяющей эстетику с экологией, а антропологию — с экзистенциальными вопросами.

Современная философия мыслит уже не в категориях субъект-объект, но в категориях мира вещей, исправности и поломок, «гиперобъектов» (Т. Мортон), объектно-ориентированной онтологии (Г. Харман), сетей (Б. Латур), реального и виртуального. Вместо слова «субъект» теперь философы часто говорят «агент».

Им может быть не только человек, но и число, вещь, здание, город, природа, ангел, звук и т.д. Философия здесь сближается то с экологией, то с урбанистикой, то с социологией сообществ (например, поклонников одной и той же музыки), то с обновленной теологией, рассуждающей о непредсказуемом и чудесном.

Например, музыка может предстать агентом, созидающим людей и сообщества. Город создает своих жителей как актеров собственной сцены. Природа своей непредсказуемостью оставляет записи внутри нашей сущности — и экологическая деятельность поэтому не может сводиться только к отдельным мерам, но должна разгадывать это письмо природы. Город должен быть не только удобным, но и помогать жителям познавать себя и свои потребности. Музыка не просто становится любимой, но влюбляет в себя и помогает влюбляться. Если в современной философии и говорится о субъекте и объекте, то субъект «учреждается», а объект «полагается».

Субъект и объект в современной философии — это не исходные данные для рассуждения, а проблемы, ситуации. Мир вещей и слов (вспоминая название главной книги Мишеля Фуко) предшествует миру наших рассуждений. Поэтому возвращается и риторика: она размечает мир речи так же, как наше рассуждение размечает предметный мир. Риторика показывает, что слова могут действовать так же самостоятельно, как и предметы. Слова не только

манипулируют нами — хотя современная философия и предупреждает о манипуляциях, — они по-новому раскрывают нас, по-новому обращают нас к себе, по-новому учат справляться с миром вещей.

В этой книге представлены работы философов, интеллектуалов, теоретиков риторики, в которых воспитание оратора сочетается с воспитанием личности. Хорошо говорить означает хорошо себя представлять, хорошо себя представлять — быть честным с собой, быть честным с собой — быть хорошим человеком.

Оратор иногда разоблачает, а иногда, наоборот, «облачает», представляет своего клиента (древнеримский термин) в лучшем виде. Но эти разоблачения и облачения — часть большого спектакля, в котором есть моральный вывод и который не противоречит моральным ожиданиям общества. Выворачивая наизнанку какие-то привычные понятия, оратор показывает их доброкачественность и доказывает, что мы можем быть честны в общественной жизни не только на словах, но и на деле, всем своим присутствием.

Риторике иногда считают лукавым искусством воздействовать на умы пышными многозначными словами, «пускать пыль в глаза». Да, такова иногда риторическая фантазия, то есть представление несуществующего как существующего. Но настоящее риторическое искусство долговечно, а фантазия долговечной быть не может, долго обманывать невозможно. Поэ-

тому в центре ораторского дела — не фантазия, а воображение, умение мыслить в ёмких образах, находить четкие их границы — и тем самым убеждаться в том, что нужно действовать так или иначе. Аристотель, как мы увидим в посвященной ему главе, прямо говорил, что риторика, как и философия, имеет дело с истиной, только скорее с истиной практического политического действия. Это истина переустройства общества на более справедливых началах.

В отличие от простых учителей ораторского искусства, философы и интеллектуалы рассматривали не только как сделать речь убедительнее, но и куда ведут аргументы оратора. Они наблюдали, какие аргументы позволяют нам чувствовать себя увереннее, какие аргументы разоблачают манипуляции и злоупотребления, какие аргументы делают социально-политический мир более прозрачным. Довод оратора и есть его действие.

Риторика — это в каком-то смысле искусство починки мира: правильно располагая «сильные» слова, мы разрешаем этим словам потребовать от мира большей прямоты, чтобы ни одно намерение не осталось скрытым. Оратор не только публично призывает к чему-то людей, он как бы направляет прожектор на социально-политическую жизнь, и где были тени и призраки частных интересов, там мы увидим мир-театр, людей-актеров, которые должны объяснить городу и миру, чего именно они хотят. Поэтому ораторское искусство, пользуясь вырази-

ями современного немецкого философа Юргена Хабермаса, превращает в публичной сфере «слабую публику», которая знает только частные интересы и страхи, в «сильную публику», умеющую артикулировать и предписывать общие интересы, направленные на общее благо.

В конце благодарю всех, кто помогал появлению этой книги. С вами она стала не только убедительной, но и светлой. Без моих умнейших друзей этой книги не было бы, без смелого сопровождения, подсказок, советов, вдохновенных замечаний и невероятного доброжелательства. Ваша любезность и приязнь и есть настоящая наука.

*Александр Марков,
профессор РГГУ и ВлГУ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН*

1

ДИРЕКТОР ФАБРИКИ КРАСНОРЕЧИЯ

ИСОКРАТ

Исократ Афинский (436–338 гг. до н.э.) — античный оратор с непростой репутацией. Современники его недолюбливали за то, что в школе он готовил судебных ораторов за большие деньги, брал огромные гонорары за свои речи и сделался одним из самых богатых афинян за всю историю страны. Оказалось, что слово, вещь легкая и незаметная (по выражению его учителя Горгия), дает больший доход, чем ремесло и торговля, чем корабли и золотые прииски. Афинские корабли подчинили себе значительную часть средиземноморской торговли, но незримое слово подчиняло себе корабли. Ведь если судятся друг с другом владелец товаров и кораблевладелец из-за крушения на море и срыва договоренностей, и оба правы по-своему, то кто, как не оратор, склонит судей на сторону своего клиента?

Не любили Исократу и за его готовность поддерживать монархию против демократии. Для греков, с их равенством перед законом, было немислимо, чтобы оратор становился «визирем», советчиком при обладающем полной властью правителе. В афинском полисе было ко времени Исократу немало «демагогов» — так, буквально «вождями народа», называли лидеров партий, которые то хорошими речами, то шан-

тажом, то подачками склоняли значительную часть народа на свою сторону. Но наставлять можно было только монархов в других землях, чем Исократ и занимался. Афиняне боялись, что Исократ, легко поддерживающий любую сильную власть, в конце концов может сам захватить власть и в их городе.

Честный Сократ и лукавый Исократ... На самом деле Исократ учился у Сократа. Только у Сократа познание направлено внутрь самого себя, а у Исократа — вовне, на познание других. Сократ требовал познавать себя, быть внимательным к себе, вдумываться в свою духовную жизнь. Я знаю только то, что ничего не знаю. Исократ, наоборот, считал, что оратор все знает, что нужно в гражданской жизни, и всегда прав. И он может заставить других людей задуматься, отойти от привычных представлений об окружающем мире. Так что Исократ, как и Сократ, заставлял людей задуматься, но не о себе, а о политической жизни. Слушатель должен стать из эмоционального слушателя демагогов ответственным актером политического театра, который хорошо выучил свою роль, умеет принимать позу и играть так, что убеждает всех окружающих в верности и оправданности своей политической позиции.

Исократ, в отличие от большинства ораторов-современников, не имел громкого и звучного голоса и предпочитал поэтому писать речи на заказ. Он создал первую школу ораторского мастерства, обучение в которой стоило дорого;

и говорил, что учит в ней также «добродетели», то есть, на самом деле, смелому вхождению в политику. Исократ считал, что целые народы и цари многих земель должны слушаться его, хотя бы опосредованно, путем влияния его учеников. Тогда мир станет лучше, потому что люди научатся реагировать на вызовы времени не эмоционально, а рассудительно.

Учитель Исократ Горгий изобрел фигуры, то есть особые выразительные средства речи, например анафору, когда несколько фраз начинаются с одного слова, или эпифору, когда концы нескольких фраз рифмуются. Горгий любил рифмовать слова, чтобы фразы запоминались. Он действовал, как частушечники начала XX века или тиктокеры и создатели «пирожков» в наши дни, — если что-то быстро мелькает, но при этом выразительно и остроумно рифмуется, то сразу запоминается.

Исократ сделал следующий шаг: он изобрел период, то есть сложноподчиненное предложение с особой симметрией, действующее убедительно. Слово «период» буквально означает «круговой обход»: вопрос надо обойти полностью, посмотреть на него с разных сторон, при этом в пределах одной большой фразы. Тогда у публики сразу создается впечатление всезнания оратора, его высшего авторитета во всех науках.

Например, я решаю вопрос, сходить ли мне в магазин сейчас или позже: «Пойдя в магазин сейчас, я хотя и потревожу свой дух бытовыми

вопросами, но, обратившись к большому выбору товаров с утра, приобрету лучшее, чем порадую свой дух, дав же себе отдохновение для более позднего времени, буду охвачен двойной скорбью, от недостатка товаров и от времени, потраченного не самым достойным образом». Вот это — период по Исократу, рассуждение о социально значимых вещах, переходящее в общую мораль и даже общую картину человека.

Исократ, сочиняя речи о текущей политике, во многом и научил смотреть на человека как на живую статую, живущую во времени, чувствующую, сожалеющую и желающую лучшего. Прекрасная речь становится предметом желания и служит созданию лучшего образа человека: слушатели Исократы хотели прославиться и стать лучше, стать как бы памятниками себе при жизни.

Образец его воспитательной речи — обращение к Никоклу, царю города Саламин на Кипре. В этой речи он создает образ идеального правителя как государя, чуткого к нуждам подданных, знающего уроки прошлого и умеющего предвидеть будущее. Начинает свою речь он тем, что сравнивает себя с купцом, привезшим богатые дары:

Люди, Никокл, имеющие обыкновение привозить вам, царям, одежду, изделия из меди или золота или какие-либо другие вещи такого же рода, которых у них самих недостаточно, а у вас в избытке, явно занимаются, как мне представляется, не подношением даров, а торговлей, причем они продают свои

подарки гораздо искуснее, чем обычные лавочки — товары. Я подумал поэтому, что самым лучшим подарком, самым полезным и наиболее подходящим: для меня — поднести, а для тебя — принять, было бы, если бы я смог указать тебе, к каким делам ты должен стремиться и от каких воздерживаться, чтобы лучше всего управлять и своим городом, и всем царством¹.

Итак, что подарить тому, у кого все есть? Только предвидение будущего, которое изменится просто: умеренностью. Надлежит от всей души стремиться к достойному и воздерживаться от недостойного.

Начинает свое рассуждение Исократ с антитезиса, чтобы на его фоне ярче был тезис. Большинство единоличных правителей (тиранов) — плохо воспитанные люди, они не понимают границ реальности. А вот демократия воспитывает людей, потому что учит считаться с ограниченностью средств на жизнь, с иным мнением и чужой позицией, с наставлениями поэтов, которые всем памяты из устных упоминаний. При демократии есть свобода речи: каждый имеет право публично сказать любому из сограждан, что он не прав. А тирану об этом сказать бояться.

Изображая невоспитанного тирана, Исократ льстит Никоклу — тебе такой человек неприятен, а значит, ты не таков:

¹ Исократ Афинский. К Никоклу / пер. Э. Д. Фролова // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Исократ. М.: Ладомир, 2013.